

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт
кафедра международного права

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
Т.Ю. Сидорова
подпись инициалы, фамилия
« ____ » ____ 2022 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения

Эволюция политического ислама как идеологии и общественно-политического движения

Руководитель

зав.кафедрой, к.ю.н

подпись, дата

Т.Ю. Сидорова

инициалы, фамилия

Выпускник

подпись, дата

А.М. Хайрова

инициалы, фамилия

Красноярск 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
1. Политический ислам и его роль в исламском обществе: общие характеристики, функции и социальная база	5
2. Влияние ислама на политические процессы в мире: исламский фактор в политике и обществе Египта, Ирана и Турции	17
2.1. Политический ислам Египта	17
2.2. Политический ислам Ирана.....	27
2.3. Политический ислам Турции.....	Ошибка! Закладка не определена.
Заключение	Ошибка! Закладка не определена.
Список использованных источников	Ошибка! Закладка не определена.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время глобальная политика проходит через этап модернизации, в ходе которого распадаются исторические группы народов и государств, находящиеся под контролем со стороны сверхдержав. На их место приходят новые организации, возникшие на основе общей культуры и отличающиеся самостоятельностью в решениях о построении мира. Вследствие данной тенденции своё развитие получил и политический ислам, ставший важным звеном мирового пространства ещё 50 лет назад. Он разнообразен в своём составе – им руководствуются политические партии и народы мусульманских стран, интерпретируется на государственном и террористическом уровнях умеренными и радикальными группировками. Без политического ислама разобраться в мусульманском мире представляется невозможным.

Однако, все чаще мир сталкивается с насильтвенными, экстремистскими и фундаменталистскими проявлениями данного направления, находя корень проблемы в политизации религии. Наполнение информационного пространства исключительно негативными проявлениями политического ислама позволяет ошибочно полагать, что любое его применение – это угроза стабильности как внутри приверженных стран, так и всему международному пространству.

В реальности политическая основа и социальная сущность данного явления значительно отличаются от общего представления. Это сильная политическая идеология, на основе которой существуют значительные игроки регионального и мирового пространства. Среди них – Турция, Египет, Иран, Пакистан. Характерно и её полярное применение в таких странах, как Афганистан, Сирия, Ирак, Ливия, Палестина.

Актуальность темы выпускной квалификационной работы определена существенным значением политического ислама как идеологии в региональных пространствах. В данный момент развитие большинства мусульманских стран определяется данным направлением, которое используется в разнородных

толкованиях. На его основе существуют и радикальные террористические группировки, представляющие опасность населению внутри государств их основания, режимам правления или вовсе международной арене. Соотношение теоретической реализации, а также и практического применения политического ислама представляют большой интерес для исследования.

Цель исследования – проанализировать политический ислам как фактор внутренней и внешней политики с учетом социально-политических особенностей регионов его распространения.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Проанализировать историю развития современного политического ислама и его концептуальное содержание как идеологии и общественно-политического движения;
2. Выделить государства, внутреннее устройство которых наиболее подробно отражают тренд политического ислама, и изучить их политическую идеологию.

Объект исследования: политический ислам в современном мире.

Предмет исследования: политический ислам в государствах Среднего Востока – Египте, Иране и Турции.

Научная разработанность: труды Билла Уорнера, Дейла Ф. Эйкельмана, Камрана Бокхари, Жозелин Чезари, Фарида Сэндзаи, Мориса Дюверже, Гилейна Денуо, Джоэла Бейнина, Л. Е. Гринина, А. Д. Саватеева, А. А. Игнатенко и других.

Структура работы состоит из введения, 2 глав (3 параграфа во второй главе), заключения и списка использованных источников.

1. Политический ислам и его роль в исламском обществе: общие характеристики, функции и социальная база

На сегодняшний день миропорядок проходит через глубочайшую и поэтапную реконструкцию. Происходят укрепление многополярного мира на основании глобализационных и регионализационных процессов, столкновения как цивилизаций, так и стран развивающегося и развитого порядка. Растут тенденции к насилию, давлению и деспотизму. Исламский фактор, принимающий характер террористической угрозы, является лишь одной из проблем в данном контексте.

Поиск путей для ликвидации данной проблемы становится сложным элементом в прогнозировании дальнейшего состояния миропорядка. Ученые и политики стремятся к формированию наиболее выигрышных и благоприятных исходов, имея обширное сочетание вариантов: от стабилизации через прямую военную конфронтацию до контрастной первому поддержки организаций и стран, связанных с терроризмом. Определение тактик и стратегий в этом контексте зачастую сталкивается с наличием бесприметительных подходов к определению политического ислама, который рассматривается через радикализм и религиозный терроризм. На этом этапе и возникает тенденция к выбору силовых и принудительных мер в снижении конфликтного потенциала благодаря стигматизации рассматриваемой идеологии, что только углубляет формирующиеся противоречия, отдаляет обеспечение устойчивости в регионах и участие в общественной жизни большей части населения [1].

Примитивность подходов определяется к склонности интерпретации только основополагающих и первичных понятий, а в частности – фактов, явлений и проявлений. Однако, эти определения внутри исследования – на фоне эволюции исламистской деятельности – должны коррелировать с представлением полного внутреннего порядка политического ислама.

Единым элементом в понимании идеологии для ученых и политиков является её отличие и отделенность от религии. Ислам – это «особого рода

модель действительности, персонифицирующую объективное взаимодействие всех законов природы» [2]. В современном мире в понятие религии не вносятся политические атрибуты. Отсюда, в отличие от политического движения, она остаётся неидеологизированной до момента интерпретации столпов ислама. Также нельзя отрицать и тот факт, что ислам придаёт мусульманской общине некоторые функции светской и духовной власти. Фундаментальное значение носит уже «политический» ислам, который часто упоминается альтернативой понятию «исламизм». Здесь находят свое стратегическое применение учения пророка Мухаммада.

Для целей исследования политического ислама необходимо обратиться к определениям исламизма. Гилейн Денуо описывает его как «одной из форм инструментализации ислама отдельными лицами, группами или организациями, преследующими политические цели, которая отвечает на такие современные социальные вызовы, как прогнозирование будущего, основывающегося на модернизированных принципах исламских традиций» [3]. По определению, фундаменталистская переквалификация ислама передает его последователям возможность переступить барьер социального, экономического и политического порядка общества и ликвидировать недостатки, являющиеся одновременно неизбежными закономерностями эволюции и причиной упадка мусульманского мира. Данная формулировка в своем базисе определяет именно трансформацию ценностей ислама, но это лишь часть в обозначении исламизма.

Вынесу второе определение, автором которого выступает Эмин Поляревич. Он пишет: «Термин “исламизм” обозначает форму социальной и политической деятельности, основанную на идее, что общественная и политическая жизнь должна направляться системой принципов ислама. Другими словами, исламистами являются люди, уверенные в том, что исламу принадлежит важная роль в организации обществ с мусульманским большинством, и старающиеся реализовать эту идею» [4]. Это понятие наилучшим образом раскрывает суть исламизма на основании нескольких

факторов. Во-первых, оно соответствует практической реальности, в которой исламская деятельность напрямую связана с Исламским возрождением, соответствующим вызовам реальности. Во-вторых, исламизм определяется разнообразием направлений умеренного, демократического и радикального порядка, что и попадает под смысл определения. В-третьих, в формулировке исламисты настроены на будущую реконструкцию лишь тех стран, которые отличаются мусульманским большинством.

Исламизм закономерно переходит в понятие политического ислама, имеющего свои особенности [5]. Также распространенное в странах с преобладающим мусульманским населением, данное направление является средством борьбы за власть, которое в конституционной, экономической и юридической формах позволяет достичь политических целей в корреляции с правилами и традициями религии и региональными и глобальными вызовами современности. В отличие от исламизма, это политическая система, связывающая на религиозной легитимности власть и общество. Политический ислам обладает высоким уровнем потенциала объединения и организации внутри страны и её населения. Его исток начинается «снизу», регулируя слои населения через пропаганду ислама и интегрируя их под общим культурным началом. Это позволяет говорить о его сосредоточении вокруг самовыражения и развития масс обычных людей на фоне особой подконтрольности. Помимо управления населением, политический ислам достаточно гибок для модернизации в условиях вызовов мирового пространства, носит оппозиционный любой светской власти характер и имеет все институциональные условия для распространения социальной мобильности. В большинстве случаев его социальной опорой признаются средние слои (в том числе и его нижний класс), мигрирующие из сельской в городскую местность и из бедных в богатые страны, интеллигенция и молодёжь.

Данная идеология опирается на вариацию концепций и идейных основ от демократического до ультрарадикального порядка, национализированных и реформированных по традициям ислама. Большой спектр реализации

политического ислама, в свою очередь, связан с особенностями каждой политической или институциональной системы, в которых действуют авторитарные режимы, национализм и панарабизм, и гибкости в понимании законов религии [6].

Основную же роль в неоднородности играют направленности политического ислама. Их общая квалификация подразделяется на суннитское и шиитское направление, но на сегодняшний день я нахожу более подходящей ту, что приводит Х.Р. Джаббаринасир. Она включает в себя шиитский политический ислам и три версии суннитской идеологии – умеренная, салафитско-джихадистская и такфиристско-джихадистская [7].

Шиитский политический ислам отличается отрицанием роли халифата, заменяющегося управлением имами, и следующей из этого клерикальной иерархией; превозношением позиции марджа ат-таклид («источника для подражания») [8]. Значимым и, вероятно, единственным его проявлением считается Исламская Республика Иран.

Пример умеренного политического ислама можно найти в устройстве политической системы Турции. Он раскрывается через сочетание религии и демократических принципов, связанность со светскими элементами управления и власти и значительную ориентированность в общественные сферы жизни [9].

Салафитско-джихадистская направленность признается наиболее консервативной из-за её призыва к возвращению раннеисламских порядков. Другими особенностями выносятся резкая критика внедрения демократии в политический процесс, построенная на антизападной риторике, и распространение власти на глобальном уровне – даже вне границ рамок Османской империи. Также она признаётся самой экстремистской среди называемых течений [10].

Наконец, такфиристско-джихадистский политический ислам остро настроен против неверных мусульман, иноверцев и атеистов. При этом главным объектом такфира являются именно мусульмане, обвиненные в вероотступничестве. Его цели – это халифат, джihad и неподчинение властям

[11]. Своё распространение тауфиристско-джихадистское направление получило в Египте во второй половине XX века и Сирии.

Перечисленные течения проходили через развитие в разные периоды истории всего политического ислама. Даже несмотря на этот факт, рассматривать его эволюцию можно только через совокупность всех течений, так как каждая из них и привязанные к этому события создавали тот образ идеологии, который мы видим на сегодняшний день.

Сейчас политический ислам признается молодым направлением, которое получило свое развитие в первой половине XX века. Политизация ислама была прямым ответом на стремления западного империализма на территориях Ближнего Востока, проявившаяся в формировании антиколониального направления. Это произошло во времена распада Османской империи, который повлек отделение частей таких территорий, как современные Палестина, Иордания, Ирак, Иран, Сирия и Ливан. Разрыв прежних экономических, социальных и сакральных связей, а вместе с этим историческое идеологическое противостояние Среднего Востока и Запада привели к появлению идей «снизу» об Исламском возрождении [12]. На этот момент одним из ключевых игроков стала республиканская Турция, отменившая халифат в 1924 году. Это событие стало прямым противопоставлением идеям панисламизма, к которым был напрямую привязан политический ислам. Следом, в умах их идеологов, он приобрел роль идеального идеологического «спасения» для Турции и образа правления для других исламских стран, стремившихся к мусульманскому самоуправлению и восстановлению вечного халифата.

Также свою роль сыграли Братья-мусульмане и Всеиндийская мусульманская лига (Пакистанская мусульманская лига с 1947 года). В Египте Хасан Аль-Банна, основатель партии, первый поднял вопросы о взаимосвязи политики и религии; о федерации исламских народов, действовавшей по нормам шариата и по принципу объединения ислама-религии и ислама-общества. Деятельность братьев-мусульман шла среди низовых масс населения, занимая промежуточный элемент политического процесса внутри страны путём

помощи и финансирования социальных структур [13]. После смерти Хасана Аль-Банна место идеолога партии перешло к Сайду Кутбу, который в то же время радикализировал политический ислам, введя в его концепцию понятие джихада. Он интерпретировал его как превентивную борьбу против джахилии – упадочное состояние исламского общества, в котором оно оказалось. В этом состояла особенность джихада Кутба: он использовал его для установления внутреннего контроля в то время, как истинный джихад коррелирует с контекстом сопротивления внешним агрессорам [14]. Именно это и позволило заложить в политический ислам новую основу – антizападные настроения теперь базировались не против европейских демократических стран, а против авторитарических режимов соседних стран.

Индийская партия, в свою очередь, наоборот принимала легальное участие в политике страны, основывая свои идеи на постуатах «исламского государства» и передавая функцию халифа правительству, но при этом обозначая верховенство шариата. Эти идеи, наряду с остальными, были заложены в основу политического ислама.

Другим фактором к повышению значимости политического ислама стало прозападное институциональное присутствие, задавшее выборную систему и другие демократические особенности в данном регионе. Минимальный плюрализм только укреплял борьбу за власть между правящими партиями и растущими движениями политического ислама. Такая демократизация, безусловно, происходила не во всех странах, так как продолжали существовать авторитарные режимы и абсолютные монархии. Тем самым, формировалась неоднородность степени распространения идейных основ.

К этому моменту политический ислам представлял из себя эволюцию идей мусульманской реформации, возникших еще в XIX веке. Формировались в формирующемся контексте Исламского возрождения концепции мироустройства, исламских экономик и социализма при учете особенностей каждой из страны, в которой эти основы реализовывались [15].

После второго десятилетия XX века последовали и национальные революции, носящие антиимпериалистический, антибюрократический и антимонархический характер – в Египте в 1952 году, в Ираке в 1958 году, в Алжире в период с 1954 по 1962 год, в Йемене в 1962 году, в Ливии и Судане в 1969 году. Их общим результатом стало установление власти за военно-революционными республиканскими режимами, в борьбе против которых прежние правящие силы привлекали исламистов, включая и их радикальную ветвь. Предпосылкой координации между ними выступил успех каирских исламистов в столкновениях с националистами в Египте, Тунисе, Ливии, Сирии и Ираке. Причиной же выступило более глубокое явление. Военные революционеры использовали элементы светского национализма и секуляризации, ликвидируя религиозный фактор в политических процессах и приобщая его исключительно к общественной сфере жизни.

Таким образом, разрозненный арабский мир был лишен своей возможности прийти к общему Исламскому возрождению, панисламистские идеи грубо вытеснялись (так, например, в Египте проводились репрессии панисламистов), но именно такой упадок стал стартом для будущей «культурной революции» политического ислама, опирающейся на участие в политических процессах широких масс исламского населения, разрозненного в направленности деятельности, но объединенного идеями исламского преимущества религиозного права, шариата над остальным.

В 1970-е года стали ослабевать националистические и арабские социалистические силы на фоне экономического кризиса и поражений в арабо-израильских войнах, политический вакuum которых заполнили движения на основе политического ислама. Так, например, наиболее важным триумфом исследуемого направления стала Исламская революция в Иране, оказавшая сильное влияние на распространение его течений. Модель политического ислама была впервые возложена в государственные политические процессы. Исход революции обеспечил все возможности для осуществления конечной цели – создания халифата. Многие из региональных исламистских готовы были

поддержать государство, а некоторые и вовсе признать Рухолла Хомейни халифом [16]. Однако, уже вскоре, после революции, Иран оказался под региональным давлением антишиитской полемики, о чём будет более подробно рассказано в следующей главе исследования.

До этого имевший умеренный характер, политический ислам стал разрастаться и в радикальное, более агрессивное направление. При происходившей популяризации Исламского государства некоторые мнения сходились в необходимости такого воссоздания любыми методами, в том числе и военно-насильственными. Последнее нашло свое проявление в использовании «исламистов-добровольцев» в развязывании конфликтов от Синьцзяна и Кашмира до Алжира и Мали [17]. Свое влияния имела и Афганская война 1979-1989 годов, а точнее – интервенция СССР, для прекращения которой стянулось большое количество радикально настроенных исламистов. Они видели эту войну как священную борьбу за освобождение мусульман. Следующим значительным проявлением радикализма в политическом исламе стал террористический акт 11 сентября 2001 года ввиду своего транснационального характера. Аль-Каида, опиравшаяся на идею создания всемирного халифата, была привержена идеям упомянутой священной войны, которая велась по их заветам уже против западного гнёта. В этом направлении также важны и американская интервенция в Афганистан и Ирак.

Однако, в этот период большинство теоретиков оставалось за умеренным течением политического ислама, концептуальный ход которого ещё в 1970-1980-е года определил Мухаммад аль-Газали, египетский духовный лидер «Братьев-мусульман» в те годы, в объединении с идеологами Алжира, Туниса и Ливии. Построение мусульманского сотрудничества они видели на невооруженном и ненасильственном базисе, через гибкий интеграционный потенциал политического ислама и шариата [18]. На фоне полной переквалификации сил, следующих в видении исследуемой идеологии, в политическое, правительственное направление произошло и окончательное закрепление идеи межгосударственной интеграции в рамках исламских

экономики, валюты, культуры, военно-политической сферы, религиозного права и другого.

Всё же в каждой стране имелись свои факторы, влиявшие на реализацию политического ислама, в том числе присутствие националистически ориентированных правительств и лидеров или исторические особенности, закономерно влияющие на укрепление или ослабление идеологии. Если в течение XX века можно было наблюдать за общими региональными тенденциями политического ислама, то к концу столетия он начал разветвляться. Главная идея политического ислама – Исламское возрождение – стала постепенно терять прежний смысл, ввиду чего политический ислам стал модернизироваться. Одной из новых важнейших особенностей стала его разветленность в международное пространство. Важно отметить и события, на фоне которых происходила такая трансформация: прекращение существования СССР, повлекшее за собой укрепление джихадистского движения в Афганистане; война в Персидском (или война за освобождение Кувейта); столкновения Израиля, при этом поддерживающегося США, и стран мусульманского мира, которые подтолкнули радикализацию на Среднем Востоке и в Европе [7].

В странах мусульманского мира за последние десятилетия также произошло множество столкновений религиозно-политических движений с государственными лидерами на основе борьбы за политическую власть, которую в определенной степени первые получили. Некоторые из них пришли к власти через военные перевороты и революции, другие – через выборы, часто проводившиеся в полу-авторитарных условиях. Всё это значительно повлияло на вектор ориентации и оценки политического ислама в мусульманском мире.

Ранее его силы представляли из себя оппозицию светскому националистическому и социалистическому режиму, но после прямого участия или же взаимодействия с властями утратили свое первостепенное значение. Политический ислам продолжает пользоваться большой поддержкой среди населения, но измерить последнюю на сегодняшний день становится крайне

сложно на фоне тенденций в мусульманском мире, заключающимися в серьезных авторитарных репрессиях, углублением цензуры, отсутствием процедуры выборов и продолжающегося кризиса пандемии. Более того, политический ислам никогда не подвергался полной автономии в осуществлении собственных программ и политики. Он по сегодняшний день сталкивается с такими региональными и международными вызовами, как нестабильность внутри стран и их режимов и финансирование в поддержку свержения и ликвидации его представителей.

Следовательно, можно обозначить рубеж тысячелетий как кризис политического ислама, который постепенно привел к формированию его нового проявления – постисламизма. Он уже не содержал в себе идею о возрождении Исламского государства, позволяя его идеологам смотреть в будущее и сосуществовать с современными условиями. Происходили попытки переквалификации политического ислама в систему, построенную на заимствовании некоторых демократических ценностей – уклона к преимуществу прав над обязанностями, к плюрализму вместо авторитаризма в управлении страной и к смене вектора политизации религии. Этот идеологический поворот начался еще в 1990-х годах и наиболее ярко отразился в электоральном процессе. Исламисты и про-исламисты создавали партии для выполнения своей миссии, направленной на повышение роли ислама в общественной жизни через подобную призму [19].

Сразу же после окончания Арабской весны в своем влиянии возрос «консервативный» политический ислам, стремительно отмечавший новоявленные особенности. Он стал главной формой политических процессов, позволившей его представителям фактически единолично управлять странами. Последнее шло в конфронтацию с предыдущим принципом «участие, а не доминирование в пространстве», который ранее часто использовался исламистами. Сирия, Тунис, Марокко, Ливия, Египет и Йемен стали теми странами, что наиболее ярко отражали данный процесс. Однако, после 2012 года в ходе выборов и на основании нестабильной межконфессиональной

обстановки и конфликтном потенциале региона, приверженные распространению – уже «исторического» – политического ислама партии стали терять свое большинство в правительстве. Их участие в политическом процессе резко снизилось, вследствие чего можно признать упадок политического ислама в той форме, в которой его пытались сохранить антидемократические силы.

Также его влияние после подавления ключевой точки развития постисламизма было дестабилизировано снижением доверия к исламистским партиям и религиозным деятелям среди населения. Упомянутое господство, установившееся после Арабской весны на Среднем Востоке, и экстремистское и насильтственное обрушение в регионе, безусловно, подорвали приверженность общества к идеям исламистских партий.

Так, по данным Исследовательского центра Пью, в 2013 году мусульмане в выборе между сильным лидером и демократией склонялись к последней: в Турции процент выбора составлял 67, в Египте – 55, в Ираке – 54, в Палестине – 55, в Иордании – 49 и т.д. Только в Афганистане и Пакистане преимущество относилось к автократической форме правления. При этом поддержка конкретных исламских партий на тот момент продолжала присутствовать: так, например, качественное улучшение их деятельности отметили опрошенные в Египте, Тунисе, Ираке, Афганистане [20].

Тем не менее, уже по исследованиям 2020 года, согласно сведениям Arab Barometer, поддержка исламских партий среди населения стала предельно низкой: в Египте их поддерживают 21 процент от опрошенных, в Ливане – 19, в Марокко – 18, в Судане – 15, в Палестине – 13, Тунисе – 9, Ираке – 6, а в Ливии – 4 [21]. Эти данные напрямую доказывают понижение роли и влияния политического ислама и повороту общества к утверждениям постисламизма.

Политический ислам в своей прежней конфигурации, несмотря на коллапс отдельной и самостоятельной правительственной деятельности, продолжает свое существование в разнообразных сферах. Проявляется тенденция следования по пути политического ислама – в особенности, среди

салафитов. Также его значительным «голосом» остаются государственные религиозные учреждения, которые, в свою очередь, не являются оплотом оппозиции действующему режиму.

Проведенное исследование позволяет мне сделать следующий вывод. На сегодняшний день политический ислам прошёл через множество изменений, в том числе и реверсивных, которые значительно повлияли на политическую и социальную жизнь мусульманских стран. Его риторика среди всех стран определяется формированием исламской общественно-политической культуры, межгосударственными инициативами по сотрудничеству на интеграционной основе и деятельностью неправительственных умеренных и радикальных групп. Перечисленные элементы глубоко вплелись в исламское мироустройство и при этом абсолютно разнообразны в своей природе в государствах распространения. Среди них можно выделить группу стран, которая стала основным рычагом формирования столпов современного политического ислама. Это Арабская Республика Египте, являющаяся, по моему мнению, основным историческим местом развития подлинного политического ислама; Турецкая Республика, отражающая в общественном и государственном устройстве новоявленную форму политического ислама в виде его сплетения с демократическими ценностями; и Исламская Республика Иран, продвигающая специфический шиитский проект политического ислама в современном мире. Сформировать полное понимание исследуемой идеологии, её значения и влияния как внутри, так и вне названных стран без их анализа не представляется возможным. Именно этому и посвящена вторая глава выпускной квалификационной работы.

2. Влияние ислама на политические процессы в мире: исламский фактор в политике и обществе Египта, Ирана и Турции

2.1. Политический ислам Египта

Развитие исламской политической активности и деятельности в Египте уходит корнями в период правления Мухаммеда Али Египетского (1805-1848), основателя современного Египта. Именно в эти годы был заложен конфликтный потенциал отношений правительства с силами, выступающими в определенной степени оппозицией первому. Это проявилось в многолетнем споре улемов и государственных чиновников, возникшем на основе двойственности интерпретации религии на государственном уровне. Их столкновение представляло из себя первоначальную ось разделения между общественным (или всенародным) и обосновывающим действия политиков характерами [22]. Впоследствии, к началу XX века данный конфликт перешел в ранее упомянутую формуацию, которая и стала исходной точкой политического ислама в пространстве Среднего Востока, а именно – образование исламских националистических группировок, стремившихся к легализации и организации идеологическо-религиозной борьбы. Часть из них придерживалась радикальных мер в своей деятельности: с 1910 по 1915 года ими была совершена серия убийств государственных деятелей, первым из которых стал премьер-министр Бутрос Гали, обвинявшийся ими в соучастии в Деншавайском деле.

Вместе с этим страна оказалась в зоне влияния Англии после упразднения суверенитета Турции над Египтом в 1914 году. Фактически власть стала принадлежать генеральному консулу, далее именуемым верховным комиссаром, присланным из Великобритании. Турцией, заручившейся поддержкой Германии, были совершены попытки свергнуть проанглийский режим, но они оказались неудачными [23]. Вскоре произошёл распад

Османской империей, халифат был официально отделен от султаната и упразднен, мусульманские страны оказались под давлением европейского колониализма, а Египет вступил на капиталистический путь развития – и реакцией на такие условия стало усиление движения арабского возрождения, в частности появление «Братьев-мусульман», нацеленных постепенно перенять функции халифа, деятельность для возвращения которой была основой в методологии движения.

Изначально данная ассоциация выступала благотворительной организацией, занимавшейся исламским просвещением, образованием и медициной. Такие цели определяли социальную поддержку для «Братьев-мусульман», которая нашлась среди низших и средних слоев населения, в частности проживающих в деревнях. Их постоянно растущее количество стало одним из факторов последующего укрепления идей исламского движения. Испытавшее на себе колониальный гнет население было готово согласиться с любыми идеями, направленными против западного протектората и выступающими за мусульманскую независимость в мире. В 1930-е года началась их активная вербовка, которая сформировала будущее ядро движения [24]. В ходе этого процесса была сформирована и управляемая система в центре и на перифериях, ставшая важным звеном для будущего развития структуры «Братьев-мусульман».

Основатель движения Аль-Банна опирался на идеи панисламистов XIX века, которые были интерпретированы им следующим образом. Исламский мир опирался на национальное единство среди исламских, в основном арабских, государств, полностью не зависимых от внешних сил; ответственность правящих сил перед народом, воля которого уважалась и согласовывалась с законами шариата; контроль мусульман над властью. Реализация такой системы, по мнению Аль-Банны, не была возможна при разделении власти и религии, что приводило к изъятию этической основы из политического процесса.

Уже в контексте колониальных тенденций в тот период отвергалась идея многопартийности, которая виделась как опора протектората, а действующие партийные силы активно критиковались внутри «Братьев-Мусульман». Считалось, что светско-националистический «Вафд» не имел собственной программы, а вся суть их деятельности сводилась к борьбе с силами короля и его соратников. Все же, несмотря на негативное отношение к современной Аль-Банне политической системе, он видел конституционный строй и парламент (шура в качестве исламского совещательного органа) как лучшую основу для построения исламского мира [25]. При этом в данный период политический ислам еще не определялся формой своей реализации, относя её на второй план, и ставил только общую цель построения такого государства, которое бы соответствовало принципам, сформированных к этому моменту и исключительно связанных с религией.

Постепенно методология движения стала трансформироваться: оно расширило собственную повестку с социальной помощи, перемен в моральных устоях и разработки образовательных программ до проникновения в политические процессы. Прямыми причинами этому выступили, во-первых, необходимость оказания поддержки палестинскому мусульманскому населению в ходе Арабского восстания 1936-1939 годов; во-вторых, растущее влияние сионистов в регионе, нацеленное на установление мандата в стране, схожего в цели подконтрольности с английским протекторатом. Так, в 1942 и 1945 годах были предприняты неудачные попытки участия в выборах.

До государственного переворота в Египте активность Аль-Банна и «Братьев-Мусульман» под его управлением хоть и была определяющим рычагом в распространении политического ислама, но к 1952 году она лишь сформировала идеологический базис для его дальнейшего развития и определила прямую взаимосвязь между формами общественно-политической деятельности и исламом. Помимо этого, в 1948 году «Братья-мусульмане» были объявлены действующим премьер-министром Мустафой Нукраши вне закона ввиду разжигания ими внутренних столкновений после окончания Второй

мировой войны. Его убийство боевиками движения стало ответом на запрет, который повлек за собой еще большее ужесточение государственной политики по отношению к ним со стороны следующего премьер-министра. Однако, уже в 1950 году они были признаны легальной религиозной ассоциацией, но не стали принимать участия в следующих парламентских выборах с новым лидером движения Хасаном Аль-Худайби, все же сумев сохранить свое влияние среди населения [26].

После обретения независимости в 1948 году Египет вышел государством, сформированном на авторитарном опыте реформизма и империализма, а конкретно – на сочетании прозападных управлеченческих реформ и приоритета интересов правящей элиты. «Братья-мусульмане» стали одними из ведущих игроков во внутреннем пространстве, прибегая к серьезному осуждению действующего светского режима, по их мнению, отдалявшего мусульманское египетское население от власти. Именно поэтому следующей ключевой точкой для политического ислама в Египте после смерти ее основателя стало установление республики в стране. Часть «Братьев-мусульман» приняла участие в Июльской революции и на непродолжительный период установила контакт с новым египетским правительством под руководством «Свободных офицеров».

Движение получило определенную автономию, но вскоре «Свободные офицеры» запретили все политические партии с целью монополизации политики [27]. В их деятельности нельзя было найти элементы политического ислама, так как партия придерживалась панарабского направления в дальнейшем развитии государства, не связывая политику и религию. С усилением авторитарности в режиме правления, часть «Братья-мусульман» вновь активизировала радикальную деятельность – ими была совершена попытка убийства Гамаль Абдель Насера. Впоследствии на ассоциацию обрушились репрессии, после которых их деятельность была вновь запрещена, а часть ее представителей была арестована, либо убита. Движение потеряло взаимосвязь с политическими процессами в стране, и новые постулаты

политического ислама получили свое развитие уже среди идеологов, попавших под самые жестокие репрессии Насера.

Нельзя отрицать и того факта, что в политике президента был религиозный подтекст, появившийся после поражения Египта в Шестидневной войне 1967 года. Проявление военно-технической слабости страны стало почвой для роста религиозных настроений – население видело его причины в наказании Египта за стремления к социалистическим, а не исламским ценностям. Насер использовал в своих лозунгах обращения к исламу, религиозная активность поощрялась, а представители «Братьев-мусульман» вовсе были частично освобождены из тюрьмы. Помимо этого, в целях расширения египетского национализма до арабского, были совершены попытки установления контроля над главным исламским университетом Аль-Азхар и Высшим советом по исламским делам, которые стали разрабатывать идеологическую взаимосвязь ислама и социализма в арабском пространстве [28].

Третий президент Египта Анвар Седат также заимствовал элементы политического ислама в своей программе с целью заполнения того политического вакуума, который все еще оставался насущной проблемой после военного поражения, и поиска опоры в президентстве. Последнюю он видел противопоставлением оппозиционным силам насеристов, которые отличались резкой критикой проводимой экономической либерализации. Седат сотрудничал с исламистами, изображая себя как истинно религиозного государственного деятеля, и все чаще использовал исламский дискурс в своих действиях. Так, в 1971 году в поправках в Конституции ислам стал государственной религией, а шариат – основным источником законодательства в стране [29].

Уже в контексте событий 1976 года, обозначившихся новыми парламентскими выборами, президент сформировал новую систему, в которой могли принять участие новосозданные партии. Это позволяет говорить о начале ограниченного распространения свободы мнений.

В этих условиях «Братья-мусульмане» стали восстанавливать свою прежнюю структуру и вновь возвращать влияние. Благоприятно на это действовала и государственная поддержка, которая приводила к исламской экономической интеграции: были созданы исламские предприятия, инвестиционные компании и банки, обогащавшиеся капиталами нефтяных стран Аравийского полуострова. Это повлекло за собой значительное, но постепенное вовлечение ассоциации в структуру модернизированной экономики и исключило новые возможности запрета «Братьев-мусульман», теперь официального элемента государственной системы. Контроль над ними перестал быть возможным, и президенту, стремившемуся к укреплению авторитаризма, пришлось переквалифицировать опорную базу на небольшие экстремистские движения, что привело к их количественному росту. Вместе с факторами сотрудничества с Западом и подписания египетско-израильского мирного договора 1979 года, это повлияло на радикальное разложение внутри «Братьев-мусульман»: например, часть из них выделилась в Аль-Гамаа аль-исламия и Ат-Такфир валь-Хиджра, поставившие целью достижения власти через религиозный экстремизм [30].

Радикальная ветвь развития политического ислама была стабильной внутри государства вплоть до начала 1990-х годов, после того как египетское население – в том числе, общественные деятели – пострадало от многочисленных экстремистских атак. Только потом она вышла за государственные рамки – нацеленные на построение мирового исламского пространства, экстремистские организации внутри движения стали вести деятельность против западных стран. Апогеем этому стали террористические акты 11 сентября 2001 года.

В это же время умеренное течение «Братьев-мусульман» наращивало активность в социальной сфере, защищая низшие слои населения. При ассоциации были созданы профессиональные союзы и профинансираны медицинские учреждения, что привлекло поддержку и среди образованной части среднего класса. Кроме этого, большую популярность приобрела

литература в рамках их идеологии, в которой определилась новая особенность движения – в частности, поворот к демократии, необходимый для полноценного участия в политической жизни страны. Предмет обсуждения стал принимать все большее политическое, социальное и экономическое значение внутри «Братьев-мусульман». Стала развиваться мусульманская школа, базирующаяся на изучении взаимосвязи ислама и демократии. Внутри движения появились те, кто требовал проведения демократических реформ на основе верховенства шариата, на основании того факта, что их сочетание с политическим процессом в рамках религии станет рычагом исламизации общества и страны.

В Конституцию было внесено изменение, запрещающее присутствие в парламенте партий, основанных на религиозной деятельности. Однако, движение смогло найти выход. На политическую арену «Братья-мусульмане» легально вышли в избирательной коалиции с либерально-националистической партией «Новая партия Вафд» в 1984 году. Им удалось получить 58 мест из 458 в составе парламента, проведя 8 кандидатов в это число [31], но этот союз вскоре был распущен.

Следующим шагом в выдвижении в политический процесс стало сотрудничество с Социалистической партией труда и Либерально-социалистической партией, в ходе которого они получили 57 мест, 35 из которых были заняты «Братья-мусульмане» [32]. В этот период задачей движения политического ислама стало укрепление идеологической гегемонии в профессиональных союзах, университетах и социальных учреждениях.

Однако, к 1990 году предыдущий парламент был распущен из-за признания государством выборов неконституционными. Данное действие было мотивировано стремлением укрепить монополизацию власти за президентом, которое, в частности, основывалось на снижении электорального присутствия оппозиционных партий, в том числе «Братьев-мусульман». Последующие выборы не сопровождались надзором со стороны суда и присутствием средств массовой информации. Следующим препятствием для распространения

политического ислама стала Война в Персидском заливе, в ходе которой египетская правительственный верхушка напрямую опиралась на Соединенные Штаты Америки, заполняя все пространство для действий любых оппозиционных сил. Возобновившееся американское присутствие в регионе дало базис для возвращения антизападных настроений внутри страны, ставшее основой в руках исламистов для роста их популярности. Их радикальная часть, формально не входившая в состав «Братьев-мусульман», активизировало террористическую деятельность, критика которой обрушилась именно на ассоциацию.

Новый виток репрессий и только укрепляющая светская автократия показали неэффективность идеологических методов движения, что дало толчок к внутренней реформации «Братьев-мусульман». Их лозунг «Ислам как решение» в ходе модернизации изменил свой прежний идеологически исторический смысл на его применение в рамках функционального и практического взаимодействия с правительством. Так, в 1994 году ассоциация выдвинула документ по реформам, требовавший радикальных изменений в государстве и обществе на основе шариата, который был наполнен новаторскими для арабского мира постулатами [33]. Свою реализацию документ нашел уже в ближайшем будущем.

К 2005 году «Братья-мусульмане» сформировали предложения по реформам во всех сферах жизни. Она стала первой полноценной инициативой, отражающей волю ассоциации в интеграции с действующим режимом и при этом базировавшейся на дальнейшей взаимосвязи демократизации и исламизации в Египте. Их программа включала в себя реформацию гражданского общества; гарантию политической свободы новых партий; изменения в режиме, затрагивающее отделение судебной ветви власти от исполнительной и разделение руководства армии и правительства; модернизацию экономки с целью борьбы с бедностью; проведение социальных реформ, касающихся прав женщин и религиозных меньшинств, и реформ в сфере образования, затрагивающие университет Аль-Азхар и научные центры;

отмена чрезвычайного положения; переориентацию внешней политики. Данные постулаты все еще отвечали первоначальной цели политического ислама, заключавшейся в воссоздании исламского мира, но вместе с этим можно отметить тенденцию полноценной эволюции идеологии движения, которая дала им преимущества в египетском мире. Так, на парламентских выборах «Братья-мусульмане» получили 88 мандатов из всех 444 [34]. В сравнении с результатами предыдущих выборов 2000 года, в ходе которых ассоциация получила всего 17 мест, выросшее количество мандатов подтверждало возросшее влияние среди египетской общественности.

В начале 2010-х годов Ассоциация братьев-мусульман достигла своей ключевой исторической точки развития. 25 января 2011 года в Египте начались массовые демонстрации, перетекшие в революцию, которые были направлены против действующего режима Хосни Мубарака и наполнены теми же требованиями, что озвучивали «Братья-мусульмане». Важной особенностью для начала и успешности Египетской революции, части всей Арабской весны, состояние исламистской идеологии, к которому она пришла в ходе собственной трансформации почти за столетие. Последняя заключалась, в основном, в наработанном навыке координации действий при автократическом и светском правительстве и включении в современные тенденции глобализации.

Изначально, в ходе событий начала 2011 года, ассоциация ограничилась поддержкой инициативы отставки президента, а уже со 2 февраля стали решающей силой манифестаций в качестве оборонного и продовольственного ресурса демонстрантов для победы в революции. Результат следующих выборов заключался в заведомой победе партии «Свобода и справедливость», полностью представленной членами ассоциации и подготовленной к такому исходу событий. Их политическая программа приобрела новую особенность: в Декларации фундаментальных принципов нового Египетского государства от 2011 года говорится о гражданском типе управления в государстве, которое по-прежнему существовало в рамках исламского права как источника законодательства и принципа общественной организации [35]. С

преимущественным количеством мест в Шуре «Братья-мусульмане» решили вступить в президентскую гонку, в которой представили кандидата Мухаммеда Мурси, ставшего одним из главных претендентов на пост президента. И уже в июне 2012 года была объявлена его победа.

В ходе его президентства была распущена нижняя палата парламента; совершена попытка объявления судебного иммунитета над Шурой и учредительным собранием, созданным для написания новой конституции (указ впоследствии был отменен). Новая конституция, принятая в 2012 году, подтвердила принцип верховенства шариата [36]. Однако, данная редакция была активно раскритикована – подозревалось, что данный постулат легитимизирует мировоззрение и идеологию «Братьев-мусульман». Данный конфликт продолжился вплоть до 2013 года. Тогда Верховный административный суд отменил постановление президента об апрельских парламентских выборах, а светские партии стали призывать к бойкотированию президента. Среди населения идеология также стала терять популярность, что привело к полнейшей конфронтации со «Свободой и справедливостью», в том числе и с Мурси. Начался новый ряд манифестаций, объединившихся около организации «Тамарод» [37]. Наряду с жестокими мерами по отношению к демонстрантам (больше тысячи убитых), силами армии был совершен военный переворот, приведший к свержению действующего президента. Следующее правительство сразу же запретило деятельность «Братьев-мусульман», признав их террористической организацией; тысячи членов были заключены в тюрьму, включая главу и заместителей движения; действующие при ассоциации благотворительные организации были закрыты, а имущество – конфисковано [38].

Полный запрет деятельности «Ассоциации Братьев-мусульман» на государственном уровне стал главным препятствием для их дальнейшего развития. С 2013 года движение так и не смогло вновь войти в политический процесс, возможности участвовать в общественной активности были ликвидированы, а вертикаль власти претерпела внутреннюю дезинтеграцию

ввиду неэффективности лидеров и других членов, которые не были заключены в тюрьму. Разобщенность между ними сохраняется по сегодняшний день в вопросах модернизации организационной структуры и степени прозрачности деятельности, дальнейшей стратегии в действиях против внутренних и внешних вызовов [39].

Таким образом, эволюция политического ислама в Египте позволила идеологии преобразоваться из предмета сопротивления европейскому колониализму в средство нонконформной борьбы за власть со светским авторитарным режимом. Однако, политический ислам был исключен из политической жизни Египта ввиду неэффективности его структуры в условиях действующего режима. Я считаю, что новый этап исламского возрождения возможен только в ходе кризиса государственной системы или вовсе переворота как результата революции внутри Египта. Это, в свою очередь, формирует вывод о том, что на сегодняшний день политический ислам в стране принимает роль оппозиции.

2.2. Политический ислам Ирана

Распространение исламской идеологии в Иране не было порождением многолетней эволюции подпольных и оппозиционных движений. В отличие от сложной и неоднородной истории «Братьев-мусульман» в Египте, иранский опыт политического ислама начался с решительных действий антиправительственных сил, представленных влиятельными улемами как основной силой, леволиберальными и марксистскими партиями, в ходе революции 1978-1979 годов, победа в которой привела оппозицию под гегемонией исламистов к власти.

Прежде чем перейти к хронологии и особенностям идеологии в Иране, необходимо подробно раскрыть его исторический фундамент. С начала XX века, после Конституционной реформы, государство являлось светским и централизованным, место религии в котором определялось исключительно в

общественной сферой жизни. Основную популярность ислам шиитского направления имел среди аполитичных буржуазии и других частей городского населения. Политическая же ветвь религии существовала в индивидуальной формации, постепенно интегрируя их силы с представителями интеллигенции. Единственным ее реальным проявлением можно назвать деятельность организации «Приверженные исламу», которая совершила серию убийств влиятельных государственных деятелей [40].

Продолжающиеся репрессии, прозападная политика, низвергающая роль религии, и жестокость авторитарного режима последнего иранского шаха Пехлеви стали прямыми причинами для начала революции внутри страны. Ее вектор находился под единоличным управлением соратников Рухоллы Хомейни, так называемого исламистского лидера. Именно он и стал идеологом открытого общественного противостояния в 1977 году с призывов к забастовкам, бойкотам и неуплате налогов. После победы оппозиции Хомейни смог вернуться в Иран после изгнания, за короткий срок сформировать правительство и провести референдум, в ходе которого 99 процентов принявших участие проголосовали за провозглашение Исламской Республики в Иране. Сразу же после была отменена прежняя Конституция, действовавшая с 1906 года, которую заменили новой редакции уже в декабре 1979 года.

Провозглашение Исламской Республики Иран стало краеугольным элементом региональной повестки для игроков как внутри, так и вне арабского пространства. Целью своей политики руководство обозначило доминирование среди мусульманских стран через руководство в регионе. Революция открыла новые пути социальных изменений в регионе, доказала, что политическая призма ислама абсолютно реальна в современных ей тенденциях, и вдохновила другие исламские движения. Так, например, исламисты Саудовской Аравии на основаниях идей иранской революции захватили Мечеть аль-Харам, пытаясь свергнуть режим Аль-Сауда. Все они опирались на такие идеи, как управление на основе ислама, вера в возможность интеграции всех мусульман и столкновение с западными ценностями.

Далее Иран прекратил тот экспорт нефти, который поддерживался монархией ранее, что привело к кризису на нефтяном рынке и в работе ОПЕК. США потеряли основную точку влияния в регионе, что повлияло на его политику с другими прозападными мусульманскими странами.

Постепенно – в ходе культурной революции – иранское население стало жить по исламским принципам: так, например, женщины были обязаны носить накидки, скрывающие лицо и тело, а любой нарушивший закон попадал под хадд (наказания по заветам религии) [41]. В это же время среди различных эшелонов власти стали возникать вопросы о взаимосвязанности политической и религиозной ветвей, а конкретно – о реализации законов Корана на политическом поприще. Произошло идеологическое разделение: были те, кто оставался лояльными консервативным принципам Хомейни и его доктрине Вилаят аль-факих, придерживался верховенства марджа ат-таклид (высшего шиитского духовного лидера) или вовсе отвергал идеологию Хомейни. Последние в большинстве случаев вытеснялись из политического процесса или лишались должностей. Спор же был закончен после вступления в силу новой Конституции.

Конституция от 3 декабря 1979 года стала прямым выражением догм политического ислама. Первая статья изначально определяет форму государства как Исламскую Республику. Она официально ввела в политику принцип «Вилаят аль-факих», заключавшийся в наделении факихов и муджтахидов властью над государством, и пост рахбара (в практическом значении высшего государственного деятеля), в полномочия которого конституционно входили управление ветвями исполнительной, судебной и законодательной власти. 110 статья определяет конкретный перечень прав и обязанностей лидера страны: так, рахбар формирует и контролирует общую политику в государстве, является Главнокомандующим армии, решает вопрос отставки ведущих постов в правительстве, упорядочивает отношения между всеми ветвями власти и другое [42]. В его аппарате лидера существуют советы, министерства и духовные органы, совместив в стране, таким образом, элементы

автократии, теократии и демократии. Вместе с этим был создан Корпус стражей исламской революции, который по сегодняшний день является частью вооруженных сил наравне с армией.

Другим важным утверждением значимости ислама в политике по документу стало формирование совета экспертов исключительно из улемов, превалирующего над собранием исламского совета, выполняющего роль парламента. Спор между ними разрешался волей рахбара и специальным примирительным комитетом, созданным в 1989 году [2]. Следом за ним было сформировано и Собрание по определению интересов общественной системы, которое в будущем сыграло важную роль в определении вектора политики.

Конституция также подтвердила и значение шиитского ислама как рычага исламского возрождения и конфедеративной интеграции в арабском мире, что говорило о необходимости мусульманского распространения иранского опыта. Однако, эта идея была отложена ввиду начавшейся Ирано-Иракской войны в 1980 году, в ходе которой все силы государства были перенаправлены на победу над Ираком. К 1988 году ни одна из сторон не смогла добиться поражения другой, но при этом они были одинаково истощены. Война, хоть и изнурив государство изнутри, смогла укрепить влияние политического ислама как ведущей объединительной силы внутри общества.

Все же итоги войны определили неэффективность действующей модели экономики, недостаточный уровень технического развития и общую необходимость восстановления. В 1989 году умер первый лидер нового государства, поставив правительство перед еще одной задачей – выборами нового рахбара. Игравшая при Хомейни роль защиты для угнетаемых исламских меньшинств и центра глобального распространения религиозной революции Исламская Республика встала на новый, более реалистичный путь. Были приняты поправки в Конституции, частично ограничивающие власть рахбара – для поста необязателен был сан марджа ат-таклида. Будущие лидеры определялись через шуру и только потом через экспертную ассамблею, но это также подтверждало предыдущий сакральный смысл власти.

Главным отличием обновившейся политики стало вытеснение из политического дискурса идеи переноса революционного ислама в другие страны, место которой заняло стремление выстроить взаимовыгодные отношения с региональными участниками. Трансформировать соседние страны через шиитский ислам иранской власти представлялось невозможным, при этом страна не располагала средствами для вступления в новую войну. Однако, это никак не повлияло на один из основных столпов государственной политики: страна все еще продолжала выстраивать собственную стратегическую независимость в экономической и военной сферах [43]. Так, свое проявление это нашло в разработке ядерного арсенала Ираном и развитии политики региональной мягкой силы.

Еще при Хомейни была распущена Партия исламской Республики, по сути, государствообразующая коалиция, которую заменили Общество борющегося духовенства и Ассамблея борющихся улемов как две главные группировки до следующих выборов президента. Тенденция роста демократии стала еще заметнее к 1997 году: вместе с увеличением количества активных партий в Иране прошли свободные президентские выборы, в ходе которых на пост был выдвинут Мохаммад Хатами, представитель реформистского направления.

Вместе с началом исполнения им обязанностей фактически началась новая эра исламско-политического дискурса внутри страны. Была прекращена гегемония правых консерваторов, ранее угнетавших реформаторов, от чего произошел резкий рост критики по отношению к идеологии Хомейни. Появились и те, кто выступал против абсолютного духовного превосходства: Хаэри Йедзи, идеи которого получили широкую общественную популярность; Абдолкарим Соруш, ставивший под вопрос монополии духовенства в трактовании ислама; и Мухсин Кадивар, который отрицал возможность интерпретации Корана как источника государственного закона в современных им условиям [44]. В ходе данного раскола все больше левых деятелей стали придерживаться «Нового религиозного мышления» на основе «национального»

шариата и современных прав человека. Однако, про-демократические реформы Хатами не были успешными, часть из них вовсе не была одобрена в проведении, парламентские кандидаты, идеологически близкие, не получили доступа к выборам, множество либеральных газет было закрыто [45], а по итогам уже президентских выборов 2005 года к власти пришел правый популист Махмуд Ахмадинежад, не имевший духовного сана. В этот период продолжало сохраняться влияние политического ислама, исходящего в первую очередь от консерваторских институтов, следующим препятствием для которого стало возникновение Зеленого движения в 2009 году.

Преимущественная часть демонстрантов была из среднего класса горожан, придерживалась леволиберальных взглядов и объединялась в требованиях за открытые выборы без использования административного ресурса, который использовал подсчет голосов в своих целях [46]. Предпосылкой этому стала самостоятельно объявленная инаугурация Мир-Хоссейна Мусави. Последователи его принципов среди духовенства признавали становление главной идеи Вилаята аль-факих о роли факиха столпом ислама. В это же время нонконформное им духовенство признавали возможность интерпретации верховным лидером воли Бога.

С количественным увеличением манифестаций стали ужесточаться и методы борьбы с оппозицией: начались аресты и информационная блокада, стали производиться насильственные разгоны. При этом международное пространство, в частности западное, поддерживало это движение, которое, в свою очередь, не одобряло американскую политику в таких соседних странах, как Израиль и Саудовская Аравия. При этом США пытались не придерживаться однозначного мнения касательно действий Зеленого движения с опасением сорвать следующий раунд переговоров по ядерной сделке с Ираном.

Постепенно стали распространяться такие радикальные идеи, как отмена Вилаята аль-факих и полномасштабной модернизацией государственных структур, что не нашло отклика среди общественности. Это привело к

снижению популярности самого движения, что означало его фактическое окончание. Провал Зеленого движения показал невозможность построения религиозной демократии в Иране. Однако, его демократические ценности все равно глубоко проникли в разум иранских граждан.

Зеленое движение также пыталось реабилитироваться в период Арабской весны, стремясь придать ей смысл прошлой революции 1979 года, но оно было быстро подавлено, а его идеиний лидер в лице отстраненного Мусави был отправлен под домашний арест. Как известно, главным средством коммуникаций между демонстрантами в этот период был интернет, который в Иране находился под особым государственным контролем. Он был отключен на этот период, что еще раз показало определенную сторону деспотизма в действующем режиме.

Иран использовал этот период в арабской истории как возможность увеличения своего влияния, мотивированного исламским преимуществом над регионом и укрепляющимся изоляционным режимом против страны. Изначально власти не выносили официальной позиции по событиям в арабских странах в общественное пространство, но уже в связи с обострением кризиса в Сирии Иран заявил о поддержке режима Башара Асада, объявив его противников своими врагами. Сирийские волнения Иран рассматривал как ограничения дипломатического маневрирования в регионе и фактор опасности для его влияния и сил, противопоставленных прозападным светским режимам [47].

Несколько лет после в стране начался новый раунд президентских выборов, которые не отличались от предыдущих в борьбе реформаторов и традиционалистов. Большой костяк политический элиты, состоящий из либеральных партий и некоторых умеренных консерваторов, поддержали выигравшего Хасана Роухани и его программу, которая была направлена на построение полноценного гражданского общества и прекращения международной изоляции.

Его реформы были направлены на освобождение из-под контроля духовенства социально-культурной сферы жизни: при учете интересов средних и низших слоев населения проводилась их имплементация в общественно-политический процесс, проходила либерализация образования, принципы «исламской нравственности» потеряли прежнюю степень жесткости и ограничений. Безусловно, реформаторская направленность политики столкнулась с непринятием со стороны консерваторских партий. Они обвиняли действующее правительство в уклоне от исламистских традиций, призывая к установлению полного контроля Корпуса стражей исламской революцией над действиями властей и проводя индоктринацию среди населения для нового этапа исламизации [48].

Одновременно в Иране оставались рычаги государственного регулирования экономики: государственный сектор все еще обладал гегемонией, бизнес находился под полным контролем властей, а производство не развивалось из-за сохраняемых протекционистских тенденций [49]. При этом не были решены проблемы коррумпированности органов власти и административных издержек. Руководство страны не признавало этих недостатков системы, вместо этого позиционируя санкции главным источником кризисной ситуации. Даже после их частичного снятия к 2016 году в государстве не последовало изменений, что повлекло за собой рост антиправительственных настроений в 2017-2018 году. Либералы пытались использовать это в свою силу, указывая на экономико-политическую неэффективность исламских элементов в Иране. В ответ на это консерваторы спровоцировали восстания в стране, которые перетекли в абсолютно разнообразные течения, среди которых были и требующие отмены действующего строя. Эти выступления не были массовыми, но все же заострили внимание правительства, осознавшего возможность угрозы существующему режиму и показавшего способность идти на компромисс.

Вплоть до сегодняшнего дня сохранилась тенденция столкновения исламской риторики с либеральными политическими ценностями,

выражающаяся в спорах между меджлисом и правительством традиционалиста Ибрахима Раиси. Впрочем, государственная система Ирана остается крайне централизованной, не давая возможностей разрастись политической конфронтации до опасных масштабов. Правительство контролирует территории страны через силы обычной армии и доминирующими Корпусом стражей исламской революции и Басидж. Влияние духовенства остается по-прежнему исключительным – по данным Индекса преобразования Бертельсмана, оно оценивается в 7 баллов из 10. А имплементация таких либеральных элементов политики, как свободные и честные выборы, право на собрания, свобода слова, разделение властей, независимая судебная власть, гражданские права оцениваются в среднем на 2,5 балла из 10 [50]. Это, в свою очередь, является одним из множества доказательств тому, что государственное устройство регулируется через интерпретацию шариата и ислама, ставящими в приоритет построение исламского мира через меры подконтрольности общества.

Вторым важным основанием присутствия политического ислама в Иране вынесу речи иранских лидеров. Так, согласно исследованию Института глобальных изменений Тони Блэра, изучившему период правления семи последних лидеров Ирана, о своей приверженности исламскому управлению 5 из них упоминали в больше чем 50 процентах выступлений [51]. Также в преимущественной части их речей поднимают вопрос иранского панисламизма и идей Исламской революции.

Риторика политического ислама находится и в сегодняшней повестке внешней политики Ирана. Так, страна ведет активную финансовую и ресурсную поддержку исламских движений по всему региону, представляя это как собственную идеологическую и конституционную обязанность. В целом, вся внутренняя система страны – в частности, степень ее интеграции в религию – направлена на противостояние недружественным государствам.

На основании проведенного анализа иранской идеологии я пришла к выводу о том, что политический ислам по сегодняшний день является главной силой в государстве. Государственные риторика и структура напрямую

построены на его принципах, а этапы столкновений с попытками модернизации не уменьшили религиозного влияния, определив эффективные методы борьбы с оппозиционными силами. Иран остается приверженным идее расширения исламского управления, несмотря на внутренние проблемы.

2.3. Политический ислам Турции

Изначальный турецкий политический ислам был основой идеологического построения Османской империи, но реализация идеологии была прекращена после ее распада и трансформации Турции в светское государство в 1923 году. В истории Среднего Востока произошла новая революция, которая насильственным образом распространялась сверху вниз под управлением военно-бюрократической элиты и задала новые секуляризационные тенденции.

Реформирование, отменившее халифат и опиравшееся на лаицизм и вестернизацию, привело к ограничению ислама вне рамок религиозных учреждений. Такая политика проводилась под управлением Мустафы Кемаля Ататюрка и вразрез с предыдущими традиционными ценностями поднимала новую идею: центром идеологии был не Бог, а нация. Такая политика вызывала крайнее недовольство среди населения, что приводило к множественным антиправительственным восстаниям. Самым ярким примером этому стало курдское восстание шейха Саида в 1925 году. В ходе него правительством было применено тяжелое вооружение на основании изданного в том же году «Закона об укреплении порядка» [52], наделявшими власть чрезвычайными полномочиями. После этого кемальская политика претерпела резкое ужесточение по отношению к консервативной оппозиции. Однако, роль религии не была окончательно ограничена, переместившись из зоны государственного контроля. Несмотря на официальный запрет деятельности религиозных орденов, отмену арабского алфавита, переход на европейский календарь и др., ее силы сохранились вне пределов городов, в той сельской

части республики, которая была полностью изолирована и количественно превалировала над светской [53]. Под идеологией исламизма стали развиваться неформальные маргинализированные сети – например, Нурджулар и Накшбандия. Под влиянием последних сформировалась Партия национального порядка.

На этом фоне развивался политический дискурс о лаицизме, который в 1937 году был закреплен как официальная идеология в Конституции Турции [54]. После смерти Ататюрка, при вступлении на пост президента Исмета Инёню, последователя кемальских идей, эта доктрина в совокупности с авторитаризмом только укрепили свое влияние в государстве до конца 1940-х годов.

В 1946 году получил свое развитие принцип многопартийности, постулатом которого стало использование влияния ислама ориентированным на духовенство партиями. Он заменил однопартийную систему во главе с Народно-республиканской партией и привел на политическую арену Демократическую партию, которая на выборах 1950 года получила большую часть мандатов. Вместе с этим стали открываться религиозные школы имамов-хатибов и началось строительство мечетей. Это повлекло за собой рост недовольства среди кемалистов, который выразился в осуществленном ими перевороте [55]. В этот период был создан Совет Национальной Безопасности, способный контролировать действующее правительство. При этом, согласно тезисам демократического развития, в Турции смогли появиться общественные движения, существование которых подтверждала Конституция от 1961 года.

Одним из таких был движение «Национальное видение» (Милли Гёрюш) под руководством Неджметтина Эрбакана, в рамках которого появились Партия национального порядка, закрытая через год, и Партия национального спасения, объединившаяся в союз с Народно-республиканской партией в 1974 году. Их программы были последовательно про-исламистскими и содержали в себе активную критику вестернизации, объединяя в себе взгляды изолированной части турецкого населения. Основной целью называлось

стремление к формированию цивилизации, способной показать идеальную модель устройства, на основании отделения ее пути от европейского. Не отрицалась роль модернизации и индустриализации страны, главным «врагом» турецкого общества движение выносило использование светской атрибутики в принижении роли религии. При этом признавался тот факт, что без практической политической программы ислам не сможет стать определяющим элементом в новой государственной системе.

В это время политический плюрализм закономерно привел к насильственным столкновениям между исламистами и левыми реформаторами, в ход которых пришлось вмешаться жандармерии и Национальной разведывательной организации. Под их влиянием в 1983 году в систему образования были введены учебные часы по изучению Корана, стал поощряться нравственный порядок, основанный на религии – это говорило о частичной исламизации сверху, осуществленной государственными силами, с целью единения общества. Также это осуществлялось и для защиты от внешних исламских сил пакистанской или иранской повестки. Политика нового президента Турции Тургута Озала также способствовала увеличению роли ислама в общественной-политической жизни: в ходе его реформ население получило большую религиозную свободу, их образования получили возможность финансировать структуру частных школ и университетов, а сами исламисты смогли войти в информационное пространство страны [56].

Среди исламских партий в этот период стали преобладать лозунги, обращавшиеся к пострадавшим от либеральных реформ – таковой была сельская часть населения, ставшая впоследствии главной аудиторией образовавшейся Партии благоденствия Неджметтином Эрбаканом. Она объединилась с неофашистской Национальной партией труда (коренная часть Партии национального движения) в 1991 году. В последующем эта партия смогла занять 18 процентов от общего числа мест в парламенте.

Представители Партии благоденствия стремились к возвращению религиозных ценностей и ориентировались во внешней политике на

взаимодействие с исламским миром (например, инициатива о создании Организации Экономического развития под названием «Развитие 8»), что напрямую противоречило дальнейшей экономической либерализации и вступлению Турции в Европейский Союз. Реакция со стороны приверженных светскому режиму последовала незамедлительно. Совет национальной безопасности в 1997 году утвердил концепцию национальной безопасности Турции, в которой можно найти упоминание реакционных сил ислама как источника основной опасности государству. Обвинявшаяся в сотрудничестве с радикальными исламскими движениями Партия благоденствия была запрещена, ее место в исламской риторике заняла новая Партия добродетели.

Они появились на политической арене с пониманием того, что для дальнейшего существования идеология политического ислама должна претерпеть ряд изменений. Так, мотив против вестернизации перестал быть основным в риторике, а движение имплементировало в дискурс демократию и права человека. Однако, уже после следующих выборов в 2001 году был введен судебный запрет на их деятельность из-за обвинений в антидоктринальном – или по-другому, анти-лаицистком – поведении, а самые видные ее деятели были официально отстранены от политического процесса на пять лет.

Из-за смены дискурса Милли Гёрюш потерял свою идеологическую популярность, что повлекло за собой и внутренний раскол на традиционалистов и склонных к модернизации всего движения. Последние одним из главных вопросов ставили возможность стабильного сотрудничества с секуляризацией. В будущем они определили себя как консервативно-демократическую партию, а не исламистскую, что нашло подтверждение в «Программе демократии и возрождения», и образовались в Партию справедливости и развития на фоне ухудшающегося экономического кризиса в стране [57]. Ее лидером стал Реджеп Тайип Эрдоган, освободившийся после непродолжительного тюремного заключения в ходе упомянутых судебных разбирательств.

Именно эта партия придала новые принципы движению ислама, из-за чего ее деятельность можно определить, как неоисламистскую. Определяющим

звеном повестки стал пересмотр постулатов религии – а конкретно, вопрос приверженности конкретной форме государственного устройства в создании исламского мира, которая при этом необязательно существует в рамках шариата [58]. В обосновании новой направленности Партия также была привержена исключительно легальным средствам достижения власти, которые заключались, в первую очередь, в защите демократии и светского режима. В то же время исламский традиционализм в их программе проявился в видении ими религиозных традиций как базиса политической деятельности, их безусловном уважении и неприкосновенности вероисповедания. Однако, это означало ликвидацию ислама из политической жизни Турции, на место которой пришли ценности свободы и прав.

Закономерная победа Партии справедливости и развития на выборах позволила им вступить на политическую арену с большинством мест в парламенте в 2002 году. За первый срок они смогли временно остановить курдское сопротивление, выстроили курс реформ в сфере прав человека и определили готовность Турции к вступлению в Европейский Союз. Последнее же вновь подтверждало поворот турецких исламистов от традиционных ценностей: данное вступление означало бы европейскую интеграцию по прозападным традициям. Поддержка среди населения также постоянно росла, основным фактором чему послужили непрекращающийся рост ВВП в период 2002-2007 годов и увеличение иностранных инвестиций до 20 миллиардов долларов [59].

Вместе с ростом влияния Партии справедливости и развития обозначилась и окончательная смена вектора ислама. С 2007 года, когда партия получила большее количество мандатов в сравнении с прошлыми результатами, закрепились либерально-демократические традиции и развитие проевропейского направления политической риторики, тем самым, создав новую исламистскую политическую идентичность. Она позволяет исламу оставаться в рамках общественной жизни страны, модернизируя и турецкий лаицизм в более гибкий и умеренный.

К сегодняшнему дню можно наблюдать финансирование турецким Управлением по делам религии в размере более 1 миллиарда лир на создание мечетей и религиозных школ не только внутри страны, но и за пределами Турции. Так, подобные учреждения появились почти в 150 странах и имеют более тысячи отделений в Турции. Далее – проводится активная агитация ношения традиционной исламской одежды и другой религиозной атрибутики [60]. Собор Святой Софии стал мечетью, в которой в ходе Рамадана были прочитаны молитвы при присутствии более десяти тысяч турецких мусульман [61]. Безусловно, государство не смогло бы поддерживать внутреннюю стабильность без исламизации в населении, которое представлено, по данным World Population Review, 74 с половиной миллиона мусульман из всех 84 миллионов [62].

Таким образом, политический ислам в Турции, претерпев почти столетнюю историю эволюции, пришел к умеренному и плюралистическому состоянию. Он стал предметом имплицитной риторики в правительстве и регулирующим элементом социальной жизни. Главной особенностью ислама в Турции становится его взаимоотношение с государством, показавшее невозможность сосуществования со светским – или даже прозападным – режимом. Религия смогла сохранить свое влияние только благодаря политике лавирования и уступок исламских партий. В государстве сохраняется достаточно стабильная ситуация, позволяющая сделать вывод о том, что роль ислама в ближайшем будущем останется прежней и не претерпит деформаций.

В ходе исследования, проведенного во второй главе выпускной квалификационной работы, я выяснила, что политический ислам в Египте, Иране и Турции претерпел долголетнюю эволюцию, которая позволила ему превратиться из призыва против европейского империализма в официальную политическую доктрину. Он создал значительную исламистскую базу как внутри государств, так и вне их, внедрил политические постулаты в деятельность духовенств и сформировал новую ветвь эклектизма на Среднем Востоке. Общей тенденцией для стран стало установление новой национальной

идентичности, внедренное политическими элитами, изначально репрессированными и неофициальными. Она также спровоцировала и формирование группировок радикальной ветви ислама, среди которых можно отметить Исламскую группу, Египетский исламский джихад, Хезболлу, Рабочую партию Курдистана и другие. Однако, на сегодняшний день практическое применение идеологии политического ислама своеобразно для каждой страны. В Египте ислам, существовавший как национально-этнический, полностью потерял свое влияние в политической жизни государства под влиянием светской элиты после 2013 года. В Иране религия с 1979 года является тотальной фундаменталистской идеологией, регламентирующей общественный и политический процесс. В Турции же ислам занял прочное место среди населения, постепенно наращивая свою роль, и внедрился в традиции демократических свобод и прав человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной выпускной квалификационной работе был проведен подробный анализ политического ислама и его влияния. В результате проведенного исследования сделаны следующие выводы.

Политический ислам – это синкретическая идеология, интерпретирующая религию как средство борьбы за власть и источник политических действий и идентичности, также значительно изменившая политическую и социальную жизнь мусульманского мира. В рамках идеологии может действовать широкий круг лиц или организаций – от умеренной, прагматичной и демократической до радикальной направленности, чья деятельность связана с преобразованием общества и государства по исламскому образу. Идеология в ходе своего развития приобрела такие возможности, как влияние на общественно-политическую культуру, формирование повестки по межгосударственным инициативам по интеграционному сотрудничеству и управление деятельностью неправительственных умеренных и радикальных групп. При этом политический ислам не является фактором современных экстремизма и терроризма и распространен в официальных политических и общественных кругах: от представителей исламских республик, монархий и духовенства до членов либеральных и консервативных партий. В отличие от исламизма, часто сравниваемого с политическим исламом, данная идеология действует в рамках конституционной, юридической или экономической формы и становится легитимным средством достижения целей на политической арене. Политический ислам также больше привязан к фундаменталистским и интеграционным теориям, нежели чем общее течение исламизма.

В ходе работы удалось выявить исторические предпосылки и особенности формирования политического ислама на международной арене. Существование в рамках авторитарных и тоталитарных арабских режимов закономерно встречало протест от последних, выражаясь в применении репрессивного аппарата против исламистов, наложениях запретов на их

деятельность и сопротивлении секуляристской тенденции, напрямую связанной со светским характером правления. XX век стал временем появления и развития связей между религией и политикой, пиком которых называют 1990-е годы. В течение данного десятилетия происходит интеграция представителей идеологии по всему миру в национальную политическую жизнь, а уже с начала XXI века ислам переходит к этапу модернизации в условиях глобализации и либерализации. Данные тенденции обозначились историей Арабской Республики Египет, Исламской Республики Иран и Турецкой Республики – ядром всего политического ислама. В этих странах была сформирована и закреплена его основная тенденция, заключающаяся в имплементации новой национальной идентичности политическими оппозиционными силами. Впоследствии это также повлияло на развитие радикального ислама, а конкретно его представителей – Исламская группа, Египетский исламский джихад, Хезболла, Рабочая партия Курдистана и другие.

Определяющим государством в развитии идеологии является Египет, взятый как один из предметов исследования во второй главе, что обусловлено следующим. Именно в этой стране сформировалась первая официальная исламская организация «Ассоциация «Братья-мусульмане», которая впоследствии задала тенденции развития идеологии по всему миру. Также в ходе развития организации были сформированы основные линии исламского взаимодействия со светскими политическими силами и государственными структурами, которые являются наиболее многообразными и применяются по сегодняшний день в мусульманском мире. Однако, египетский политический ислам существовал в ограниченных рамках постоянного давления, которые в результате свергли его с государственной арены. На это накладывался и рост националистических настроений, сопровождавший отходом от ислама каждое государство с развитой до определенной степени идеологии.

На данный момент Иран выступает основным местом пролиферации и экспансии политического ислама. С 1979 года он остается официальной доктриной, формирующей государственное устройство и развитие. Страна,

существуя в рамках его ценностей и традиций, распространяет свое исламское влияние в регионе через поддержку идеологически близких ассоциаций и стран, что доказывает актуальность одного из принципов исследуемого явления – построение исламского мира через интеграцию под контролем «ядра». Следовательно, это доказывает и выживаемость религии в политических реалиях современного мира.

Анализ политического ислама в Турции как третьего предмета исследования позволил мне сделать следующий вывод. Ислам способен функционировать в демократически ориентированной стране, но только в рамках ее общественной жизни, доминирующей частью которой является прогрессивное население средней возрастной группы, остающееся либерально ориентированным с учетом их приверженности исламу.

Таким образом, политический ислам в каждой стране специфичен и универсален до такой степени, что может адаптироваться в условиях любого политического режима. Его тезисы, постулаты и ценности можно признать как официально сформированные и идеологически окрепшие. Однако, в сегодняшних условиях маловероятно их обновление – режимы арабских стран в большинстве случаев идеологически стабильны. Ислам занимает в них настолько прочную позицию общественного регулятора, что не позволяет говорить об уменьшении его роли в будущем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шипицин, Ю.Б. Политический ислам в контексте межцивилизационных противоречий / Ю. Б. Шипицин // Научный диалог. – 2019. – № 5. – С. 238-252.
2. Миронов, Г. В. Многослойная стоянка Минжуль под Красноярском / Г. В. Миронов // Ислам и политика : сборник научных трудов / ответственный редактор А. А. Игнатенко. – Москва, 2004. – С. 53–67.
3. Denoeux, G. The Forgotten Swamp: Navigating Political Islam / G. Denoeux // Middle East Policy. – 2002. – № 2. – Р. 20-61
4. El-Din Shahin, E. The Oxford Encyclopedia of Islam and Politics : учебное пособие / Е. El-Din Shahin. – 1-е, стер. – Оксфорд : Oxford Press, 2014. – URL: <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref:oiso/9780199739356.001.0001/acref-9780199739356-e-0252> (дата обращения: 29.04.2022).
5. Саватеев, А.Д. Исламистские движения: от фундаментализма к террору? / А. Д. Саватеев // Азия и Африка сегодня. – 2017. – № 1. – С. 18-24.
6. Cesari, J. Political Islam: More than Islamism / J. Cesari // Religions. – 2021. – 299 р.
7. Джаббариасир, Х.Р. Факторы трансформации политического ислама в мировой политике: возникновение насилия и терроризма / Х. Р. Джаббариасир // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2021. – № 3. – С. 125-146.
8. Сулимов, С.И. Шиитский исламизм как политический фактор / С.И. Сулимов, Д.Д. Трегубова // Манускрипт. – 2019. – № 6. – С. 158-161.
9. Васильев, А. М. Новый альянс в борьбе за лидерство в арабском регионе. Часть 1 / А. М. Васильев, А. В. Коротаев, Т. Р. Хайруллин // Азия и Африка сегодня. – 2019. – № 10. – С. 2-9.
10. Яшлавский, А. Э. Идеология салафитского джихадизма как тоталитарный проект терроризма / А. Э. Яшлавский // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – № 4. – С. 71-78.

11. Хассан, Х. «Исламское государство»: Идеологические корни и политический контекст межконфессиональной вражды / Х. Хассан // Московский центр Карнеги. – 2017. – №1. – С. 1-33.
12. Muddassir Quamar, Md. Islamism and Political Challenges in the Middle East / Md. Muddassir Quamar // India Quarterly: A Journal of International Affairs. – 2017. – №3. – Р. 259-264.
13. Бадауи, Н.М. Влияние арабского Возрождения (ан-нахда) на идеологию «Братьев-мусульман» / Н. М. Бадауи, А. А. Куделин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. – 2017. – № 9. – С. 53-66.
14. Are, K. Political Islam in the Middle East / K. Are // Bergen: Chr. Michelsen Institute. – 2003. – №6. – Р. 1-32.
15. Стогов, Д. И. Ислам: история и современность : учебное пособие / Д. И. Стогов ; Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина). – Санкт-Петербург : СПбГЭТУ, 2018. – 50 с. – ISBN 978-5-7629-2281-4.
16. Matthiesen, T. The Iranian Revolution and Sunni Political Islam / T. Matthiesen // Middle East Political Science. – 2017. – № 28. – С. 36–38. – URL: <https://pomeps.org/the-iranian-revolution-and-sunni-political-islam> (дата обращения: 30.04.2022).
17. Васильев, А. М. «Арабский кризис» и его международные последствия : монография / А. М. Васильев, Ю. Н. Винокуров, Л. М. Исаев ; Федеральное бюджетное учреждение российской академии наук институт Африки РАН. – Москва : РАН, 2014. – 256 с. – ISBN 978–5–9710–1260–3.
18. Долгов, Б. В. Генезис исламистского движения в общественно-исторической динамике Алжира, Туниса и арабо-мусульманской диаспоры Франции в 1970–2015-е годы : специальность 07.00.03 «Всеобщая история (Новое и новейшее время)» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Долгов Борис Викторович ; ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук. – Москва, 2017. – 606 с.

19. Sinanovic, E. Post-Islamism: The Failure of Islamic Activism? / E. Sinanovic // International Studies Review. – 2005. – № 7. – P. 433-436.
20. E Barbour, Sc. «Chapter 2: Religion and Politics / Sc. E Barbour // Pew Research Center : [сайт]. – 2013. – 30 апр. – URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2013/04/30/the-worlds-muslims-religion-politics-society-religion-and-politics/> (дата обращения: 01.05.2022).
21. Kayyali, A. Arab Political Parties and the Dual Challenge of Trust / A. Kayyali // Arab Barometer : [сайт]. – 2020. – 12 май. – URL: <https://www.arabbarometer.org/2020/05/arab-political-parties-and-the-dual-challenge-of-trust/> (дата обращения: 01.05.2022).
22. Abir, M. Modernisation, Reaction and Muhammad Ali's 'Empire' / M. Abir // Middle Eastern Studies. – 1977. – № 3. – P. 295-313.
23. Кирина, Ю. Н. Истоки исламского фундаментализма (исторические предпосылки создания организации "братьев-мусульман" в Египте) / Ю. Н. Кирина // Точки над Ё. – 2012. – № 1. – С. 101-105.
24. Al-Anani, K. Upended Path: The Rise and Fall of Egypt's Muslim Brotherhood Politics / K. Al-Anani // Middle Eastern Journal. – 2015. – № 4. – P. 527-543.
25. Moussalli, A. The Oxford Handbook of Islam and Politics / A. Moussalli, J. L. Esposito, E. El-Din Shahin // OUP USA. – 2013. – № 1. – P. 139-156. – URL: <https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780195395891.001.0001/oxfordhb-9780195395891>
26. Хайруллин, Т. Р. Политизация салафизма на Ближнем Востоке и в Северной Африке / Т. Р. Хайруллин // Азия и Африка сегодня. – 2020. – № 12. – С. 19-26.
27. Бурова, А. Н. "Братья-мусульмане" и "Свободные офицеры" в Египте: между сотрудничеством и конфронтацией / А. Н. Бурова // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2015. – № 3. – С. 46-53.

28. Бурова, А. Н. Политический портрет Гамаля Абдель Насера: конфликт интерпретаций в египетском политическом дискурсе / А. Н. Бурова // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2014. – № 6. – С. 204-209.
29. Конституция Арабской Республики Египет : редакция от 11 сентября 1971 года // Конституции государств (стран) мира : справочная правовая система. – URL: <https://worldconstitutions.ru> (дата обращения: 11.05.2022).
30. Лопушанский, В. С. Информатика : учебное пособие / В. С. Лопушанский ; Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – Санкт-Петербург : СПбЮИ (ф) УП РФ, 2026. – 49 с. – ISBN 978-5-9516-0785-0.
31. Sallam, H. Al-Wafd Party / H. Sallam // Arabian Peninsula : [сайт]. – 2011. – 18 ноя. – URL: <https://www.jadaliyya.com/Details/24643> (дата обращения: 13.05.2022).
32. Fahmy, N. S. The Performance of the Muslim Brotherhood in the Egyptian Syndicates: An Alternative Formula for Reform? / N. S. Fahmy // Middle East Journal. – 1998. – № 4. – P. 551-562.
33. Lange, M. A. Political Islam Gaining Ground. The Example of the Muslim Brotherhood in Egypt / M. A. Lange // International Reports. – 2007. – № 11. – P. 18-21.
34. Upal, M. A. Handbook of Islamic Sects and Movements / M. A. Upal, C. Cusack // Brill. – 2021. – № 4. – P. 120-135.
35. Декларация фундаментальных принципов нового Египетского государства от 2011 года : редакция от 1 ноября 2011 года // Constitutionnet : справочная система. – URL: <https://constitutionnet.org/> (дата обращения: 12.05.2022).
36. Конституция Арабской Республики Египет : редакция от 15 декабря 2012 года // Конституции государств (стран) мира : справочная правовая система. – URL: <https://worldconstitutions.ru> (дата обращения: 13.05.2022).

37. Whitson, A. The Rab'a Massacre and Mass Killings of Protesters in Egypt / A. Whitson // Human Rights Watch : [сайт]. – 2014. – 14 авг. – URL: <https://www.arabbarometer.org/2020/05/arab-political-parties-and-the-dual-challenge-of-trust/> (дата обращения: 13.05.2022).
38. Laub, Z. Egypt's Muslim Brotherhood / Z. Laub // Council on Foreign Relations : [сайт]. – 2019. – 15 авг. – URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/egypts-muslim-brotherhood> (дата обращения: 13.05.2022).
39. Al-Anani, K. Egypt's Muslim Brotherhood: Old Problems and New Divisions / K. Al-Anani // Arab Center Washington DC : [сайт]. – 2021. – 3 ноя. – URL: <https://arabcenterdc.org/resource/egypts-muslim-brotherhood-old-problems-and-new-divisions/> (дата обращения: 13.05.2022).
40. Godazgar, H. From ‘Islamism’ to ‘Spiritualism’? The Individualization of ‘Religion’ in Contemporary Iran / H. Godazgar // Religions. – 2020. – № 11. – P. 1-26.
41. Ridgeon, L. Ahmad Qabel, Religious Secularity and Velayat-e Faqih in Iran / L. Ridgeon // Religions. – 2022. – № 13. – P. 1-14.
42. Конституция Исламской Республики Иран : редакция от 15 ноября 1979 года // Конституции государств (стран) мира : справочная правовая система. – URL: <https://worldconstitutions.ru> (дата обращения: 14.05.2022).
43. Хайруллин, Т. Р. Политический ислам Ирана и Йеменский кризис / Т. Р. Хайруллин // Ислам в современном мире. – 2019. – № 15. – С. 135-150.
44. Boroumand, L. Iranians Turn Away from the Islamic Republic / L. Boroumand // Religions. – 2020. – № 31. – P. 169-181.
45. Safrang, A. Khatami admits reforms have failed / A. Safrang // NBC News : [сайт]. – 2004. – 3 дек. – URL: <https://www.nbcnews.com/id/wbna6662892> (дата обращения: 14.05.2022).
46. Shams, S. Iran's Green Movement: Why US policies strengthen the regime / S. Shams // Deutsche Welle : [сайт]. – 2019. – 14 июн. – URL:

<https://www.dw.com/en/irans-green-movement-why-us-policies-strengthen-the-regime/a-49189323> (дата обращения: 14.05.2022).

47. Гасанов, М. М. Арабская весна и Иран / М. М. Гасанов // Juvenis scientia. – 2017. – № 3. – С. 32-35.
48. Дунаева, Е. В. Иран: исламская политическая идентичность и вызовы современности / Е. В. Дунаева // Религия и общество на Востоке. – 2017. – № 1. – С. 51-68.
49. Кожанов, Н. Интриги иранского двора. Почему протесты 2018 года не превратились в революцию / Н. Кожанов // Carnegie Endowment for International Peace : [сайт]. – 2018. – 15 янв. – URL: <https://carnegiemoscow.org/commentary/75252> (дата обращения: 15.05.2022).
50. Iran Country Report 2022 // BTI Transformation Index : официальный сайт. – 2017. – URL: <https://bti-project.org/en/reports/country-report/IRN> (дата обращения: 15.05.2022).
51. Aarabi, K. The Fundamentals of Iran's Islamic Revolution / K. Aarabi // Tony Blair Institute for global change : [сайт]. – 2019. – 11 фев. – URL: <https://institute.global/policy/fundamentals-irans-islamic-revolution> (дата обращения: 16.05.2022).
52. Boroumand, L. Conscription and Popular Resistance in Iran, 1925-1941 / L. Boroumand // International Review of Social History. – 1998. – № 43. – Р. 451-471.
53. Мирский, Г. И. Многослойная стоянка Минжуль под Красноярском / Г. И. Мирский // Ислам, исламизм и современность / ответственный редактор В. Я. Белокреницкий. – Москва, 2011. – С. 41–46.
54. Закиров, А. А. Трансформация политического ислама в современной Турции: исторический дискурс / А. А. Закиров // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 1. – С. 63-66.
55. Харитонова, О. Г. Иран: исламская политическая идентичность и вызовы современности / О. Г. Харитонова // Журнал политической философии

и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». – 2018. – № 4. – С. 181-205.

56. Rabasa, A. The Rise of Political Islam in Turkey / A. Rabasa // RAND. – 2008. – № 3. – С. 1-134.

57. Жигульская, Д. В. Ревитализация политического ислама и его влияние на демократию в Турции (в период 1980-2000 гг.) / Д. В. Жигульская // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2017. – № 2. – С. 27-33.

58. Бедрик, А. В. Генезис политического неоисламизма в Турции в начале XXI века / А. В. Бедрик, В. И. Бузов // Известия Высших Учебных Заведений. Северо-кавказский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3. – С. 44-48.

59. Turkey GDP Growth Rate // Trading Economics : официальный сайт. – 2017. – URL: <https://tradingeconomics.com/turkey/gdp-growth> (дата обращения: 19.05.2022).

60. Vohra, A. Erdogan's War With Arab Monarchies Is Over / A. Vohra // Foreign Policy : [сайт]. – 2022. – 22 мар. – URL: <https://foreignpolicy.com/2022/03/22/erdogan-turkey-uae-saudi-arabia-monarchy-islamism/> (дата обращения: 19.05.2022).

61. Öztürk, A. A Paradoxical Tale: Reading the Transformation of Erdoğan's Turkey Through the Lens of Religion / A. Öztürk // Oasis Center : [сайт]. – 2022. – 22 мар. – URL: <https://www.oasiscenter.eu/en/a-paradoxical-tale-reading-the-transformation-of-erdogan-s-turkey-through-the-lens-of-religion> (дата обращения: 19.05.2022).

62. Muslim Majority Countries 2022 // World Population Review : официальный сайт. – 2022. – URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/muslim-majority-countries> (дата обращения: 19.05.2022).

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Юридический институт
кафедра международного права

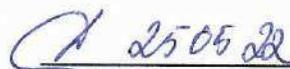
УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
 Т.Ю. Сидорова
подпись инициалы, фамилия
«25 » июн 2022 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

41.03.05. Международные отношения

Эволюция политического ислама как идеологии и общественно-политического движения

Руководитель

25.05.2022

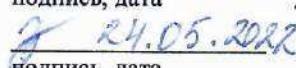
зав.кафедрой, к.ю.н

Т.Ю. Сидорова

подпись, дата

инициалы, фамилия

Выпускник

24.05.2022

подпись, дата

А.М. Хайирова

инициалы, фамилия

Красноярск 2022